

ПОСТКОЛОНИАЛИЗМ: НОВАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПОНЯТИЯ «ИДЕНТИЧНОСТЬ»

Злобин С. С.

*аспирант кафедры источниковедения исторического факультета
УО «Белорусский государственный университет» (Республика Беларусь, г. Минск)*

Постколониализм (постколониальная теория, постколониальные исследования) – широкое направление в изучении тех регионов, которые пережили колониализм и другие формы угнетения. Основное внимание постколониализма концентрируется на вопросе: как сказать о самих себе на своем языке? насколько возможно выразить себя на языке Запада? Популярность данного направления в современной гуманитаристике огромна: писатели, которых причисляют к постколониализму, получают Нобелевские премии (Надин Гордимер [6; 7], Тони Моррисон [8]); в престижнейших университетах мира активно разрабатываются идеи постколониализма, имеющие отношение к культуре, истории, философии (к примеру, профессор Гарвардского университета Хоми Бхабха, на сегодняшний день являясь одним из лидеров американской культурологии, предлагает такие концепции как «гибридность», «мимикрия», «амбивалентность» [4]).

Постколониализм – это яркий ответ на особо острую в современном мире проблему идентичности, ставшую ключевой для процессов самого различного уровня: от индивидуально-психологического до геополитического и философского.

Бывшие колонии столкнулись с проблемой идентичности сразу же после обретения независимости: провозглашенное равенство и братство обернулось полуфеодалным угнетением – касты, наркокланы; Запад продолжал политически и экономически доминировать над Востоком. Так появилась мысль, что недостаточно просто получить декларативную политическую свободу. И на первый план вышла зависимость культурная и интеллектуальная: встал вопрос о поиске своего уникального пути. Утрата своей идентичности и диктатура идей со стороны Запада – вот что объявлялось главными препятствиями на пути к счастью.

Отцом постколониальной теории можно считать американского интеллектуала арабского происхождения, профессора Колумбийского университета Эдварда Саида. Главным произведением Саида стала книга «Ориентализм», опубликованная в Нью-Йорке в 1978 году.

Ориентализм (или востоковедение) – западная дисциплина, которая приобрела самостоятельное значение в XVIII–XIX вв. Эдвард Саид показал, что ориентализм определяет Восток не в географическом (East), а в культурном смысле (Orient): дискурс о Востоке представляет собой сложный комплекс знания / власти, где знание является коррелятом властных интенций Запада, который посредством выработки идей о Востоке предписывает ему подчиненное географическое положение [3, с. 23-24]. В такой ситуации, по

выражению другой знаменитой представительницы направления Гаятри Спивак, «подчиненные (т.е. носители восточной идентичности) не могут говорить» [9, с. 104]. Восток является элементом западной «воображаемой географии» – такой Восток оказывается не более чем европейским мифом и относится к дискурсивной, а не эмпирической реальности. Внимание Саида было обращено не к сущностному характеру Востока как объекта анализа, а к ориентализму как предмету, представленному в западных науках и художественной литературе, неизбежно несущим на себе знак колониальных отношений.

По мнению Саида, европейская культура набирала силу и самоопределялась, противопоставляя себя Востоку, который выступал как глубокий и устойчивый образ Другого, что оказало решающее влияние на формирование ориентализма. Смысл ориентализма можно сформулировать следующим образом: великие достижения восточных цивилизаций далеко позади, а теперь только мы, европейцы, поведем весь мир за собой. Через постоянные сравнения и противопоставления с Востоком укреплялась идея Европы как особого мира, цивилизации с уникальным историческим опытом, своей системой норм и ценностей и прогрессивной моделью мироустройства, как понятие, дифференцирующее «европейцев» от всех остальных Других [3, с. 48-77].

Это утверждение о том, что «Восток» есть некое дискурсивно сконструированное целое является исходным для постколониализма. Идентичность Востока возможна только благодаря властным импульсам колонизатора, обозначающим для него культурные рамки. Однако в дальнейшем идеи Саида были развиты в направлении большего уточнения взаимодействия идентичности колонизированного с колонизатором.

Хоми Бхабха, один из лидеров современного постколониализма, следуя, в первую очередь, идеям современника Саида, революционера, врача-психиатра с Мартиники Франца Фанона, говорит о том, что идентичность Востока представляет собой не просто одностороннее навязывание дискурса власти / знания, а здесь имеют место отношения, в которых помимо колонизаторов колонизированные также являются активными агентами. При этом колонизаторы, хоть и занимают доминирующую позицию, всегда обременены постоянным чувством неуверенности и тревоги за свою власть, что порождает репрессию с их стороны. Колонизированный, в свою очередь, обременен желанием «присвоить» себе дискурс колонизатора, стать таким же, как его белый господин. Т.е. и колонизированный, и колонизатор волею судеб вовлечены в детерминированную фактом их встречи игру [4, с. 40-65; 85-92].

Главная же проблема заключается в том, что вне этого дискурса колониального столкновения нет чистой идентичности колонизатора или колонизированного. Колонизатор всегда пытается утвердить некие идентификационные рамки для колонизированного и, как следствие, для самого себя: начиная с ключевых стереотипов («государство», «общество», «человек» и т. д.) и до самых мелких деталей быта, медицинских практик и

образовательных процессов. Но на деле дискурс этих стереотипов оказывается лишь стремлением к фиксации бинарных оппозиций (свой—чужой, цивилизованный—дикий, белый—черный, чистый—грязный), а Другой все время пытается противиться такому эссенциализму в областях маргинальности – мигранты, женщины, гомосексуалисты и лесбиянки, представители различных субкультур. Такой расщепленный субъект находится в постоянном поиске целостности.

Эту же идею связи идентичности колонизатора и колонизированного отстаивает и Дипеш Чакрабартти, профессор Чикагского университета, занимающийся историей идей. Ключевые стереотипы Просвещения («государство», «общество», «человек» и т.д.) неизбежны, т.к. без них невозможно познание социокультурных объектов. Однако, в то же время, не следует упускать особенностей того или иного «места», к которому обращено наше внимание. Для этого необходимо, хорошо зная язык этого «места», обратиться к собственной, местной структуре существования и углубиться в те противоречия, которые порождает процесс внедрения европоцентричного термина в локальный контекст. Чакрабартти заостряет необходимость такого интимного отношения к миру, которое бы дополняло рациональные практики по его логико-понятийному схватыванию. Если же только отталкиваться от рациональных средств анализа, то мы получим нарратив, характеризующийся репрессивной природой по отношению к истории и культуре не-западного мира [5, с. 16-22].

Указание на неразрывную взаимосвязь между колонизатором и колонизированным, угнетателем и угнетаемым требует по-особому относиться к рамкам идентификационных процессов. Критика европоцентризма более не может представлять собой некий отчет, как при помощи власти насаждалась та или иная концепция, рожденная эпохой Просвещения. Например, можно сказать, что в Индии существует «своя» медицинская практика аюрведа, которая находится в состоянии конфликта с медицинской практикой европейского модерна. Однако основная деконструктивная работа должна быть направлена на критику того, как возможно утверждение о взаимно противоположном характере аюрведы и современной медицины. Это влечет за собой следующие вопросы: почему эта медицина – современная, а аюрведа – древняя? что такое «модерн», сделавший такое разделение возможным? каковы условия существования феномена «современность» в «современной» эпистемологии?

Ряд таких вопросов может быть бесконечен. Но главным выводом является стремление постколониалистов отойти от наиболее структурирующего понятия «культура», которая рассматривается как специфический идентификационный маркер, навязанный колонизаторами и сковывающий историческую, цивилизационную и социальную динамику в мире угнетаемых, и перенести исследования в область некоего Третьего Пространства (не колонизатор и не колонизированный), где категории описания идентичности как Востока, так и Запада приобретают свои границы только в условиях

маргинальности, нестабильности.

В этом плане интересно явление белорусского постколониализма. Белорусские постколониалисты (в первую очередь, Игорь Бобков [1; 2]) говорят о том, что мы живем на пограничье, в силу чего генерируем специфическое символическое пространство, с которым следует работать и от которого не следует отречься как от временного, переходного, и пытаться выстроить некую истинно этническую белорусскую идентичность [2, с. 8-9].

Развивая такие идеи, можно в корне пересмотреть традиционную канву описаний белорусской идентичности. К примеру, отказ от установки связывать «Беларусь» с монолингвистической и моноэтнографической структурой, позволяет обратиться к ее «месту», локальности как границам идентификационной динамики, послужившим основным фактором для создания специфической историко-культурной пограничной среды белорусов.

Все это свидетельствует о том, что постколониализм актуален не только для стран Востока, но и для любого региона, находившегося в положении нестабильной идентификации. Постколониализм, безусловно, нуждается в более пристальном внимании белорусской культурологии.

-
1. *Бабкоў, І.* Адам Клакоцкі і ягоныя цені / І. Бабкоў. – Мінск : БАС, 2001. – 107 с.
  2. *Бобков, И.* Рефлексии на полях критики знания : восточноевропейское пограничье / И. Бобков // Перекрестки [Электронный ресурс]. – 2008. – № 1. – С. 5–12. – Режим доступа : http://tru.ehu.lt/webroot/delivery/files/CrossRoad_1_2008.pdf. – Дата доступа : 02.09.2011.
  3. *Caud, Э.* Ориентализм. Западные концепции Востока / Э. Саид. – СПб. : Русский мир, 2006. – 640 с.
  4. *Bhabha, H.K.* The Location of Culture / H.K. Bhabha. – Routledge, 1994. – 307 p.
  5. *Chakrabarty, D.* Provincializing Europe : Postcolonial Thought and Historical Difference / D. Chakrabarty. – Princeton University Press, 2000. – 318 p.
  6. *Gordimer, N.* July's People / N. Gordimer. – Raven/Taurus, Jonathan Cape, Viking Press, 1982. – 176 p.
  7. *Gordimer, N.* The Conservationist / N. Gordimer. – Jonathan Cape, 1974. – 252 p.
  8. *Morrison, T.* Beloved / T. Morrison. – Alfred Knopf, 1987. – 324 p.
  9. *Spivak, G.C.* Can the Subaltern Speak? / G.C. Spivak // Colonial Discourse and Post-Colonial Theory : A Reader ; ed. by L. Chrisman, P. Williams. – Harvester Wheatsheaf, 1993. – P. 66–111.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ ЛИЧНОСТИ

Косик Ю. А.

*аспирантка, преподаватель кафедры культурологии
УО «Белорусский государственный университет культуры и искусств»
(Республика Беларусь, г. Минск)*

Исследования понятия личности отражены в многих областях гуманитарного знания: биологии, социологии, психологии, антропологии, культурологии и т. д.